

Юлия САФРОНОВА*

МИЛОСТЬ «ВНЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА»**

СТРАТЕГИИ ПРОСИТЕЛЕЙ И ОТВЕТ ЧИНОВНИКА (НА ПРИМЕРЕ
МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА. 1856–1861 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена стратегиям решения различных проблем социального характера российскими подданными, так или иначе нарушающим установленные бюрократические процедуры. Формальная процедура подачи прошения в исследуемых случаях подкрепляется или полностью заменяется притязанием на личное покровительство высокопоставленного чиновника. Случай министра императорского двора уникален своим двуединством: просители от него ожидали помощи как от сановника в кругу других высокопоставленных лиц и одновременно как от «самого главного придворного», имеющего непосредственный и постоянный доступ к «щедротам» монарха. Статья основана на прошениях на имя министра двора, поданных в первые пять лет правления Александра II. Обращение к ним позволяет увидеть особый язык поиска покровительства, а также обычно скрытые от исследователей стратегии получения должностей, наград, пенсий и т. д. Аргументы, содержащиеся в прошениях, в особенности обоснования права обращаться со своими проблемами именно к министру двора, позволяют говорить о неформальных связях внутри общества, сложной сети отношений, которой был пронизан сам бюрократический аппарат, а также причинах, побуждавших власть предержащих оказывать покровительство. Автор приходит к выводу, что распространенность и успешность практик подачи прошений «вне установленного порядка» не являются признаками принципиальной «архаики» Российской империи. Скорее они свидетельствуют об эффективности клиентеллизма как института, способного компенсировать неудачи современной бюрократии.

Ключевые слова: патронат, клиентеллизм, бюрократия, прошения, Министерство императорского двора, Александр II.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-158-188.

КЛИЕНТЕЛЛИЗМ И МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО

Российская империя накануне эпохи Великих реформ являет исследователям картину глобальной социальной незащищенности подданных, где мир николаевских бедных чиновников Н. В. Гоголя постепенно трансформируется в страну «униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского. Вдовы, сироты, отставные чиновники «в пожилых годах», увечные

*Сафронова Юлия Александровна, к. и. н., доцент, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, jsafronova@eu.spb.ru.

**© Сафронова, Ю. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

воины Крымской, Кавказской и прочих войн, конечно, имели право на пенсии, места в богадельнях, учебных заведениях и пр., а оставшиеся без места военные и штатские чины — на открытие вакансий. Однако «искание» их было связано с «хлопотами», превращавшимися иногда в хождения по кругам бюрократического ада. Бюрократический аппарат не обеспечивал просителям понятного механизма получения заветных мест и пенсий: эта сфера была дискретна, распределена между разными министерствами и ведомствами, с одним из которых необходимо было себя каким-то образом идентифицировать, чтобы получить право хотя бы подать прошение. Результат «исканий» был во многом обусловлен знанием негласных канцелярских правил и личным произволом лиц, принимавших решение.

Й. Баберовски описывает подобную ситуацию с помощью термина «недоверие» — как к институциональным механизмам, так и к обществу, в котором люди конкурируют за ограниченные ресурсы. В его интерпретации «недоверие» приводит к возвращению к практикам до-модерного присутственного общества, поддерживаемым с помощью патрон-клиентских отношений (Баберовски, Каплуновский, 2008: 72). В 2000 г. А. Рибер констатировал удивительное отсутствие внимания к проблеме клиентеллизма в современной русской администрации: существование патрон-клиентских отношений признавалось как факт, но конкретные механизмы оставались вне сферы интереса исследователей¹. Эта лакуна за прошедшие два десятилетия постепенно заполняется. Следует отметить стремление к «нормализации» и одновременной архаизации патрон-клиентских отношений², описываемых как результат «слабости» государства и чужеродности бюрократического управления реалиям российской жизни. Й. Баберовски показывает клиентеллизм поздней Российской империи как дилемму царских элит: репрезентация власти как «функции современного, абстрактного правового порядка» сочеталась в это время с властными практиками, основанными на персональной лояльности и патронаже (там же: 79). Водоразделом исследований, как это часто бывает, выступает эпоха Великих реформ, воспринимаемая как момент, когда профессиональная компетенция чиновников становится важнее личных связей, а борьба «партий», основанных на идейно-политической общности, заменяет борьбу высших бюрократов друг с другом (Рибер, 1992: 44).

¹См. Rieber, 2000.

²См. Шаттенберг, 2005.

Размышления о природе российского клиентеллизма всегда приводят к обсуждению культуры персонализированной власти в самодержавной империи. Все вертикальные патронажные сети, начинавшиеся в провинции, в конце концов замыкались на фигуре монарха. Успех и возможности патрона выполнять обязательства по отношению к клиентам зависели от расположения или неприязни государя³.

Характерно, что для борьбы со взяточничеством и «неправдой» в судах, т. е. с теми проявлениями клиентеллизма, которые стали криминализироваться и стигматизироваться модерным государством, уже при Петре I была создана контора генерал-рекветмейстера Сената, принимавшая жалобы на имя царя на «все места средние и подчиненные» (Ремнев, 1999: 17). Постепенное расширение полномочий ее наследников привело к тому, что созданная в 1810 г. Комиссия прошений, на Высочайшее имя приносимых, по сути компенсировала те функции клиентских сетей, с которыми государство боролось⁴. Кроме жалоб на неправильные действия судебных мест и начальствующих лиц, в Комиссию можно было подавать прошения о «каких-либо наградах или милостях» (Полное собрание..., 1835: 49). В результате во время правления Николая I из общего количества ходатайств (примерно 10 тысяч в год), жалобы составляли только 10%, остальное составляли прошения о «милостях», в первую очередь о финансовой помощи (Писарев, 1909: 81).

Оформление механизма, способного компенсировать провалы бюрократического аппарата с помощью все той же бюрократической процедуры подачи прошения в специальное ведомство, порождало вполне предсказуемые проблемы. Комиссия была медлительна и внушала недоверие: невозможно было предсказать, чем будет руководствоваться ее статс-секретарь, принимая прошение, будет ли доведена просьба до государя, можно ли получить монаршую милость из рук чиновника. Как вообще возможна беспримерная царская милость, ограниченная канцелярией и ее негласными законами? Безуспешный проситель у официальных порогов («подавал прошение Его Императорскому Величеству, перезяб и заболел, опять долгов наделал»), горько сетовал: «...все слова. Как

³Это удачно показывает А. Рибер в статье о клиентской сети С. Ю. Витте (Rieber, 2000: 297).

⁴Подача прошений на Высочайшее имя практиковалась и в других монархических государствах. Историки, обращающиеся к ним, видят в них в первую очередь источник для изучения просопографии, карьерных стратегий, языка самоописания, патронажа как культурного феномена и т. д., напр., Хаванова, 2008: 230–250.

бы меня словами удовлетворить, а не заберут справки в Министерстве Военном и Министерстве Юстиции и не доводят до окончания» (Прошение Рыздзевского, 1860. Л. 186).

ПОСРЕДНИК «ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТИ»

Поскольку решение жизненных проблем «установленным порядком» оказывалось проблематичным и зачастую безрезультатным, на пути к милостям трона оказывалась фигура «естественного» посредника между безграничной царской милостью и холодным миром несправедливости и чиновничьего бездушия. В таком качестве выступал министр императорского двора. Довольно наивно причины нарушения правил подачи прошений определил надворный советник Герцо-Виноградский. Прибегая к посредничеству министра двора, проситель высказал убеждение, что успех любого дела зависит не собственно от содержания прошения, а «от благосклонного доклада»:

...если только прошение это удостоится милостивого воззрения Вашего Сиятельства, то судя по тому, как Вы всегда готовы изливать щедроты Царские на Его верноподданных, особенно там, где высказываются заслуги Отечеству, то и успех несомнителен (Прошение Герцо-Виноградского, 1859. Л. 414).

В случае с графом Владимиром Федоровичем Адлербергом удачно совпали личные качества и особость занимаемой им должности. Друг детства Николая I, один из наиболее близких к нему людей, В. Ф. Адлерберг после воцарения Александра II не только сохранил свое положение, но и пользовался исключительно уважительным отношением императора. По мнению С.И. Григорьева, В. Ф. Адлерберг разделял концепцию Николая I о личном управлении, обязывающую лично контролировать весь объем находящихся в его ведении дел (Григорьев, 2007: 273).

Министр читал все подаваемые ему прошения, за исключением написанных на неизвестных ему языках или слишком мелким почерком. В таких случаях служащие канцелярии готовили для него записки с пересказом сути прошения. На каждую поданную просьбу граф реагировал, даже если реакция заключалась в решении «принять к сведению» или «оставить без последствий». На большинстве прошений есть собственноручные пометы министра или отметки служащих о его распоряжениях, сделанных устно.

Вознося хвалу министру двора как «неоцененному другу страждущего человечества», «достопочтимому благотворителю несчастных» и т. п.,

просители в то же время предполагали, что сама должность обязывает его быть таковым:

На первых ступенях царского Трона Вы ближе всех избранных, и это высокое положение налагает на Вас обязанность перед отечеством говорить правду Царю и останавливать несправедливость (Прошение Дубниковой, 1860. Л. 170),

— писала министру могилевская мещанка. Обязанность разделять с царем долг безграничной монаршей милости налагалась и фактом выбора императором министра себе в помощники:

Всякий знает, что Великий Милостивый и Справедливый Государь старается окружить Себя людьми, подобными Ему, мыслящими о благоденствии его подданных (Прошение Макаровой, 1860. Л. 59).

Наиболее образно посредническую миссию министра двора описывает предложенная В. Герцо-Виноградской метафора:

Провидению было угодно поставить Ваше Сиятельство светлой звездой около нашего русского Солнца на то, чтобы изливать его благодетельную теплоту на нас, верноподданных (Прошение Герцо-Виноградской, 1860. Л. 209).

Конечно, более точным с точки зрения физики небесных тел был бы образ луны, светящей отраженным светом, но то ли недостаток знаний, то ли действительное намерение автора привносят в эту метафору дополнительный смысл: как бы ни казалась звезда мала по сравнению с солнцем, она способна светить и сама по себе, одаривая просителей своим собственным теплом.

В этом обращении интересен и еще один мотив избрания посредника не собственно императором, но Провидением. Благотворительная миссия богоизбранного самодержавного монарха поддерживается другим избранником, которого Провидение сделало «собеседником и другом царей» (Прошение Чихачева, 1856. Л. 262). Самостоятельная благотворительная миссия В. Ф. Адлерберга описана и в другом прошении: «Господь Бог осиял Вас благостью своею, послал в мир сей в виде ангела-утешителя для облегчения тяжести креста, наложенного Им на смертных» (Прошение Булычева, 1860. Л. 506).

Риторика просьб к министру двора порой дословно копировала верноподданные прошения на Высочайшее имя. Дочь мелкого чиновника в январе 1859 г. даже писала министру «я приемлю смелость пасть к священным стопам Вашего Сиятельства» (Прошение Шарاپовой,

1859. Л. 64). Сакраментальный оборот «припадая к священным стопам», используемый подданными при обращениях к монарху, в этом случае является наиболее отчетливым знаком восприятия министра двора как «заместителя» императора, более доступного для просьб. Остаток того же оборота виден в письме другого просителя, пожелавшего «пасть как перед особой, близкой Его Величеству» (Прошение Шадрина, 1860. Л. 134).

Исполнение многочисленных просьб подавалось просителями как благотворительная деятельность министра-христианина, за которую его ждет награда от Всевышнего, который, по молитвам просителей, дарует ему «здравие и благоденствие» (Прошение Шарাপовой, 1859. Л. 64). В то же время исполнение просьбы, от которого зависела чья-то судьба, порой рисовалось как действие, не стоящее всемогущему министру никаких усилий: «Вашему сиятельству легко бросить несколько горстей бумажек, за которые награда от Бога в тысячу раз больше будет» (Прошение Панаевой, 1859. Л. 538). Эта риторика благотворительности демонстрирует неразвитость социальной сферы: подданные российского императора искали себе мест и пенсий не как выслуженных, законных благ, а как милостыни от власть предержащих.

Благотворительностью в чистом виде министр императорского двора никогда не занимался. На все просьбы такого рода, поступавшие к православным праздникам, а также после смерти представителей императорской фамилии, завещавших какие-то суммы для раздачи бедным «на помин души», следовал ответ «до министра не относится», иногда сопровождаемый советом обратиться к «подлежащему начальству». Наиболее развернутый ответ министра гласил:

Уведомить, что в распоряжении министерства императорского двора нет сумм, предназначенных для раздачи нуждающимся, только тем лицам, отцы и мужья которых служили по ведомству сего министерства, обратиться в комиссию прошений (Прошение Толквист, 1859. Л. 115).

Риторикой благотворительности просители маскировали весьма трезвое понимание того, как именно работает бюрократическая машина. Министр двора рассматривался ими как человек, обладающий прежде всего связями и возможностями, способными привести ее в движение. Прибегая к помощи В. Ф. Адлерберга, просители не раз обращали внимание на силу «рекомендации», без которой тщетны все легальные пути решения проблем и бессмысленны подаваемые в казенные учреждения

прошения. Потеря «знакомств», как это произошло с Любовью Сычуровой, муж которой погиб 14 декабря 1825 г., защищая престол, сразу уменьшала шансы на удачное устройство в жизни: «просить Высочайшей милости не через кого, потому что тех лиц [...] нет» (Прошение Сычуровой, 1859. Л. 101об.).

СОДЕРЖАНИЕ ПРОШЕНИЙ МИНИСТРУ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Одной из главных проблем бедствующих российских подданных было отсутствие «места», усугублявшееся тем, что, порой действительно годолая, просители готовы были нести отнюдь не любую службу, а только «приличную их званию». Некий Гриневич, получивший вместо желанной должности «помощника начальника» должность фактора («надо ходить за три версты четыре раза в день, казенная квартира, хотя полагается, но еще не построена, разъездные деньги не выдаются») закончил поток жалоб возмущенным вопросом «почему десятник, простой мужик, получает 40 руб. и плотит (так. — *Ю. С.*) кухарке 4 руб. серебром»? (Прошение Гриневича, 1859. Л. 321).

К середине XIX в. империя явно переживала кризис «перепроизводства» кадров. Претендентов на казенную службу было больше, чем штатных и даже заштатных должностей, а сфера частного найма была чрезвычайно мала. Полученное образование не являлось гарантией устройства в жизни. Даже выпускники Александровского лицея, задуманного как «питомник» государственных мужей, были не слишком востребованы: обязанных отслужить на государственной службе четыре года лицеистов с трудом пристраивали на несуществующие должности и платили жалование из государственного казначейства, вновь и вновь плодя «архивных юношей» (Отношение директора Александровского лицея, 1866. Л. 6). Потеря места в такой ситуации была катастрофичной. Поиски новой должности, которые могли занять несколько лет, отягощались вполне законным вопросом: «указа об отставке не приложил, не за какие либо незаконные действия был он уволен без прошения?» (Прошение Радовича, 1859. Л. 231).

В такой ситуации без «словечка» важного лица никакое устройство было невозможно. Вдова майора, оставшаяся с четырьмя детьми без средств, поскольку ее умерший от тифа в 1855 г. муж за 21 год службы пенсии не выслужил, откровенно писала: «...все прошения, подаваемые мною, остаются безуспешными. Я искала казенного места, но и тут нужна рекомендация, а я, не зная никого, и в этом случае беспомощна» (Прошение Гусковской, 1859. Л. 4–4об.). Другой проситель,

отставной штабс-капитан, «не имея особенных знакомств, поэтому без протекций», просил министра о рекомендательном письме для определения в штат столичной полиции или о вспомоществовании, чтобы вернуться в место расположения своего полка и вновь поступить в него на службу. Забегая вперед, приведу собственноручный ответ министра: «...рекомендовать его не могу, ибо не знаю, а 50 руб. выдать» (Прошение Цептковского, 1860. Л. 308). Решение об оказании материальной помощи В. Ф. Адлербергу принять было куда проще.

Формально как министр двора В. Ф. Адлерберг мог распоряжаться только штатами двора и своего министерства, однако прошений с просьбой о зачислении на место лакея, певчего, служителя императорского театра и т. п. было немного. Попасть в собственно придворный штат «с улицы» было невозможно, поскольку такого рода должности, как правило, были наследственными. Детей придворных служителей за заслуги родителей распределяли по императорским резиденциям, руководствуясь их «наружностью» и поведением. Редко кто из просителей претендовал на должности в самом министерстве двора или «под началом» министра. Хорошо зная ситуацию, просители писали либо о службе, схожей с их прежним местом, либо о любом месте вообще. Характерно, что никто из просителей не сомневался в способности министра двора устраивать на должности в «чужих» ведомствах. Жена надворного советника Кухтина, напоминая об «обещании», данном ей министром на приеме, даже требовала, чтобы он «лично исходатайствовал» у министра государственных имуществ повышения по службе ее мужу (Прошение Кухтиной, 1857. Л. 65).

Кроме устройства на какое-нибудь место, просители искали у министра двора «благодетельного содействия» при прохождении их дел через инстанции или у официальных лиц. Вмешательство министра просили не только для того, чтобы гарантировать успешный исход дела (Прошение Шаганова, 1859. Л. 37), но и просто чтобы ускорить медлительный ход бюрократической машины — «слишком долго просить у непосредственного начальства» (Прошение Чесновского, 1859. Л. 443). Заручившись письмом от В. Ф. Адлерберга, просители пытались достучаться до тех чиновников, от кого непосредственно зависело их дело. «Никакими путями нельзя дойти до графа Д.Н. Шереметева», «министр наш Муравьев (М. Н. Муравьев, министр государственных имуществ — Ю. С.) человек холодный, без просьбы Вашей лишит нас и этого места», — жаловались просители (Прошение Величка, 1857. Л. 52).

Особую когорту составляли просители, получившие отказ из Комиссии принятия прошений и решившие подойти к делу с другого конца. Вдова Х. Щеглова, муж которой, профессор Петербургского университета Н. П. Щеглов, преподавал физику Александру II, когда тот был наследником престола, просила денежного пособия на уплату долгов. Статс-секретарь Комиссии прошений отказал просительнице на формальных основаниях: у просительницы был ежегодный пенсион в 1000 руб. и ранее она получала 4000 руб. на похороны мужа. Х. Щеглова, убежденная, что ее немаленькая пенсия «далеко не вознаграждает полезных заслуг мужа моего и составляет только кусок хлеба» (Прошение Щегловой, 1857. Л. 28), попыталась подать прошение императору через министра двора. В этом случае В. Ф. Адлерберг признал справедливость решения Комиссии и просительнице отказал. Интереснее случай поставщика нот для женских учебных заведений Гольца, которому, несмотря на покровительство фрейлины П. А. Бартневой, было отказано в поданной через Комиссию просьбе об организации лотереи. В письме В. Ф. Адлербергу он объяснил отказ тем, что статс-секретарь Комиссии князь А. Ф. Голицын является родственником главноуправляющего Ведомства императрицы Марии А. Л. Гофмана, враждебного ему (Прошение Гольца, 1856. Л. 11). Видя в отказе интригу против себя, он попытался привлечь на свою сторону влиятельного союзника, ссылаясь при этом на желание вдовствующей императрицы Александры Федоровны.

СТРАТЕГИИ ПРОСИТЕЛЕЙ: АПЕЛЛЯЦИЯ К ЗНАКОМСТВУ

Большая часть просителей министра двора осознавали, что они «уклоняются от установленного для производства дел порядка», а потому сиятельный сановник имеет полное право не рассматривать их просьбы. Хотя регулярно находились просители, смевшие «утруждать» В. Ф. Адлерберга «без родства и связи» (Прошение Грабовской, 1857. Л. 205), все же большинство умели найти ту или иную причину, делавшую их претензии на внимание вельможного адресанта хоть отчасти обоснованными. Таким обоснованием могло служить личное знакомство с министром самого просителя, а также его ближайших родственников. Некоторые знакомства, вполне вероятно, были очень непродолжительны, но о них вспоминали в нужде.

По поданным прошениям легко восстановить в подробностях карьеру В. Ф. Адлерберга, начиная с первых шагов. Вдова коллежского асессора

Елизавета Одинцова, взывая к участию Владимира Федоровича, напоминала, что покойный супруг воспитывался вместе с ним в Пажеском корпусе (Прошение Одинцовой, 1857. Л. 11). В основном с просьбой о помощи обращались бывшие подчиненные, напоминая даже короткие эпизоды многолетней давности: «40 лет как я вступил на поприще службы под начальство ваше в корпус полевых инженеров», — начинал свое письмо пристав из Тулы (Прошение Хлопова, 1860. Л. 414).

Больше всего просьб поступало от служащих, бывших и настоящих, почтового департамента, который граф Адлерберг возглавлял почти 15 лет. Формально такие просьбы уже не имели к министру двора отношения и должны были подаваться по месту службы. Просители, однако, апеллировали к оказанной ранее помощи: «...испытав благодетельную помощь Вашего Сиятельства в бытность главным почтовым начальником» (Прошение Францен, 1857. Л. 240). Единожды вмешавшись в чью-то судьбу, В. Ф. Адлерберг должен был понимать, что к его покровительству будут прибегать вновь и вновь, поскольку он таким образом подтверждал право просителя на помощь и свою готовность ее оказывать. Этот «долг» переносился с него и на других членов семьи. Так, во время отпуска министра летом 1860 г. бывший изюмский почтмейстер писал к генерал-адъютанту А. В. Адлербергу как к «сыну и наместнику», апеллируя к уже оказанным его семейству благодеяниям и подчеркивая, что в крайности ему ничего другого не остается, кроме как утруждать «бывшего моего непосредственного начальника, ваш дом, все ваше родство» (Прошение Радовича, 1859. Л. 148).

Делал Владимир Федорович «долги» другого свойства, крестя детей подчиненных. Опираясь на это в буквальном смысле кумовство, родители крестников, облагодетельствованные однажды самим фактом снисхождения высокого начальника до крестин, просили о дальнейшей протекции. Упомянутый уже Гриневич, хлопоча о месте, умолял министра о личном приеме, чтобы представить тому «родительницу вашей крестной дочери Марии, а свою супругу» (Прошение Гриневича, 1859. Л. 321). Более запутанные духовные отношения связали графа с семейством майора Ланге, чей сын был воспринят от купели именем императора Александра II, которого во время обряда заменял министр двора (Справка по делу майора Ланге, 1859. Л. 209).

Искали расположения В. Ф. Адлерберга, пользуясь знакомством с министром уже покойных родственников, причем не только бывших сослуживцев или подчиненных, но и удачливых просителей. В последнем

случае порой претендовали не столько на внимание и милость министра, сколько на получавшиеся покойными пенсии и негласные пособия. В одном случае, если верить просителю, возможность обратиться с просьбами к В. Ф. Адлербергу была «завещана» вместе с движимым и недвижимым имуществом. Наследник братьев Ганаропуло, один из которых служил под начальством В. Ф. Адлерберга в Турецкую кампанию, и которым граф в свое время помог с имущественной тяжбой, писал буквально следующее: «Покойные, переходя в жизнь вечную, разрешили мне в крайних случаях прибегать под мощный покров Ваш как благодетеля» (Прошение Детортье, 1857. Л. 55).

Также к помощи В. Ф. Адлерберга прибегали, вооружившись рекомендательными письмами влиятельных персон. К сожалению, собственно рекомендация сопровождает только одно прошение коллежского регистратора И. Рупасова, искавшего места по почтовому ведомству. Протекции для него просил генерал-адъютант сенатор Петр Николаевич Дьяков, «подле деревни» которого служил проситель. Свидетельствуя «хорошее поведение» своего протеже, покровитель все же апеллировал не к личным качествам соискателя, а к «давнему знакомству» и «расположению» министра (Прошение Дьякова, 1857. Л. 21). О письме своего родственника А. Д. Оболенского, при помощи которого она попала на прием к министру, писала в прошении уже упоминавшаяся надворная советница Кухтина. Наконец, некий дворянин Мордвинов, взявший на воспитание двух девочек-сирот, подал прошение министру двора, вооружившись свидетельством о своем «хорошем поведении» и «благонадежности», подписанным бывшим начальником Штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельтом, на тот момент уже четыре года как вышедшим в отставку, но, вероятно, влияния не утратившим. На свидетельстве также стояли подписи адмирала Замецкого, генерал-лейтенанта Борисова, генерал-майора Ермакова и двух действительных статских советников Каралова и Гейденберга (Свидетельство..., 1860. Л. 325). Поскольку в кассе министерства денег на пособие не было, В. Ф. Адлерберг посоветовал обратиться через комиссию прошений сразу на Высочайшее имя. Одновременно он написал письмо директору училищ для приходящих девиц с просьбой поместить в одно из заведений девочку и прислал годовую плату за обучение (60 рублей) лично от себя (Отношение министра императорского двора директору, 1860. Л. 326).

Прибегали просители и к «виртуальной» рекомендации, упоминая имена тех, кому известны их несчастья или к кому можно обратиться за справкой. При этом назывались как громкие имена («что я безвинно

страдаю, известно есть и Его сиятельству генерал-адъютанту графу Красинскому, который лично меня знает» (Прошение Залесского, 1856. Л. 2)), так и близкие к министерству двора люди («...если Вы, Ваше сиятельство, желаете получить верное сведение об моем муже, то позвольте Вам сказать, что Владимир Павлович Каменев, который имеет честь у Вас служить, его уже знает 15 лет» (Прошение Вараввы, 1859. Л. 416)).

Время от времени просители пытались дойти до министра непосредственно через чиновников министерства. Самой влиятельной фигурой после В. Ф. Адлерберга был директор канцелярии В. И. Панаев, которому адресовали письма с просьбой довести их до сведения графа Адлерберга⁵. Косвенным подтверждением влияния чиновников министерства на решения по просьбам может служить дело вдовы капитана Андреева. Неизвестно, что именно привлекло внимание графа в письме очередной бедствующей женщины, однако он распорядился выяснить, правдивы ли изложенные в нем факты. Вместо официального запроса губернатору о «поведении» просительницы, кем-то из служащих был подготовлен ответ «по частным справкам», свидетельствующий об очень хорошей осведомленности: «должна за наем квартиры 150 руб., [...] в мелочной лавке забирает один лишь хлеб, вещи почти все заложены, так что кроме носимого платья и трех стульев нет у нее имущества» (Справка по делу вдовы капитана Андреева, 1860. Л. 350).

СТРАТЕГИИ ПРОСИТЕЛЕЙ: АПЕЛЛЯЦИЯ К РОДСТВУ

Еще одна дорога к помощи В. Ф. Адлерберга лежала через посредничество его родственников и, в большей степени, родственниц. Чиновник 9 класса Василий Толбинов просил о пособии у супруги министра Марии Васильевны Адлерберг, урожденной Нелидовой. Письмо начинается с указания, что покойная супруга просителя была дочерью генерал-майора Мерлина и троюродной сестрой А. И. Киреевского (Письмо Толбинова, 1859. Л. 41). Загадка обращения решается очень просто: А. И. Киреевский был женат на Екатерине Васильевне Нелидовой. Интересна реакция В. Ф. Адлерберга на просьбу «родственника». Министр отправил запрос санкт-петербургскому военному губернатору, «приказать справиться, в каком положении находится проситель и заслуживает ли он пособия», поскольку он не знает просителя лично (Отношение

⁵Напр., С. Матвеева — В. И. Панаеву, 1859; М. Н. Мусин-Пушкин — В. И. Панаеву, 1859.

министра императорского двора Санкт-Петербургскому военному губернатору, 1857. Л. 87). Это единственный за пять лет случай, когда В. Ф. Адлерберг запросил информацию о положении дел отставного чиновника и, более того, получив подтверждение о «хорошем поведении и крайней бедности», распорядился выдать тому 100 рублей, т. е. почти годовой пенсион просителя, получавшего в месяц 11 руб. 78 коп. Очевидно, проситель выбрал верную стратегию при обращении к министру: без упоминания имен родственников покойной жены у него не было ни одного шанса привлечь к себе внимание. Равным образом, отправленное непосредственно министру двора прошение могло затеряться среди других, в то время как графиня Адлерберг безусловно опознала Толбинове «родственника».

Осаждали министра двора просьбами выпускницы Смольного института. Смольянки вообще были на особом положении, поскольку во время учебы пользовались особым покровительством членов императорской фамилии, были представлены царствующему императору и членам его семьи, танцевали с великими князьями, катались с горки с великими княжнами и т. д. и т. п. Кроме того, для бедных выпускниц существовало некоторое количество пенсий, но число их было невелико, и менее удачливые вынуждены были ожидать пособий годами, поскольку те становились доступны лишь со смертью предыдущих получательниц. Как министр двора В. Ф. Адлерберг должен был обращать внимание на просьбы смольянок, ссылавшихся на свой статус императорских воспитанниц. Трудность его положения заключалась в том, что в частной жизни он был связан со Смольным чрезвычайно тесно. Его мать, Юлия Федоровна Адлерберг, с 1802 г. до самой смерти в 1839 г. была начальницей Смольного института. За 37 лет «Бабушка», как звали ее смольянки, выпустила не одну сотню девиц, готовых воспользоваться ее именем в качестве пароля на приеме у министра. Так, некая Анна Глинка в апреле 1859 г. обращалась к Владимиру Федоровичу «во имя Неба, которое хранило мое детство, и во имя Бабушки» (Прошение Глинки, 1859. Л. 294). Писали к нему и служащие Смольного, бывшие и настоящие, а также их дети. В том же году вдова Каролина фон Шлет, урожденная баронесса фон Францих, обращалась к министру с просьбой, ссылаясь на заслуги своей матери, служившей «в Смольном монастыре под начальством родительницы Вашей» (Прошение Шлет, 1859. Л. 230).

В Смольном воспитывались жена министра графиня Мария Васильевна, его дочери и племянницы, также выступавшие ходатаями за своих

товарок. Жена сенатского регистратора Елена Башенкова в 1857 г. прямо сослалась на совет дочери министра Анны Владимировны, с которой она вместе воспитывалась, разумеется, «облагодетельствованная милостивым вниманием родительницы» Владимира Федоровича (Прошение Башенковой, 1857. Л. 109). Упомянутая выше Каролина фон Шлет в прошении указывала, что прежде чем она сама обратилась к министру, его племянница генеральша М. Т. Пашкова ходатайствовала за нее перед графиней Марией Васильевной⁶.

Еще одна дама, чье имя использовали просительницы министра двора, была его родная сестра графиня Юлия Федоровна Баранова. Некая смолянка Лундышева ссылалась на то, что была выпущена из Смольного в 1806 г. с «ее сиятельством Юлией Федоровной Барановой» (Прошение Лундышевой, 1857. Л. 92). Эта ссылка была несколько сомнительной, поскольку Юлия Федоровна не училась в Смольном, хотя часто посещала его. К тому же в качестве воспитательницы Александра II и его сестер, великих княжон Марии и Ольги, гофмейстерина графиня Баранова имела возможность самостоятельно покровительствовать просительницам-смолянкам, тем более что вдовствующая императрица Александра Федоровна, при которой она состояла, продолжала оставаться высочайшей покровительницей Смольного. Об успешных самостоятельных ходатайствах графини Барановой косвенно известно из некоторых прошений на Высочайшее имя. Видимо, поэтому В. Ф. Адлерберг приказал Лундышевой обращаться официально через Комиссию прошений. Тем не менее, в канцелярии МИДв хранятся и письма Юлии Федоровны к брату. В 1860 г. она хлопотала о помощи тяжело больному отставному генерал-лейтенанту А. Г. Вилламову (Письмо Барановой, 1860. Л. 49).

Наконец, на какую-то родственницу министра сослался помощник келецкого уездного начальника Карл Залесский. По этому письму видно, на какие случайные основания могли опираться просьбы лично к министру. Карл Залесский искал управы на коменданта Варшавской цитадели, ссылаясь на «генеральшу Адлерберг», проживающую в Варшаве в одной гостинице с семейством просителя. Он писал: «Сия достопочтеннейшая госпожа, тронутая моим бедствием, изволила сама напомнить о великодушии Вашего сиятельства и дабы я обратился к врожденным чувствам человеколюбия Вашего сиятельства» (Прошение Залесского, 1856. Л. 1). Эта ссылка на родственницу просителю не помогла, министр счел дело до себя не относящимся. Без ответа осталось

⁶См. Прошение Шлет, 1859. Л. 230.

и письмо некоего Александра Адусова, начавшего послание с вопроса о судьбе Густава Яковлевича Адлерберга («в живых ли он или точно убит под Севастополем?»), а закончившего просьбой места в каком-либо казенном заведении (Прошение Адусова, 1856. Л. 145). В память о погибшем племяннике Владимир Федорович ничего предпринимать для неизвестного ему просителя не пожелал.

ОТВЕТ ЧИНОВНИКА: БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ИГРА

От стратегий просителей перейдем к решениям В. Ф. Адлерберга по поданным ему прошениям. Нас будут интересовать только те случаи, когда министр выходил за пределы своих должностных обязанностей и предпринимал какие-либо усилия для того, чтобы оказать искомую помощь.

В качестве чиновника в кругу других высших бюрократов министр императорского двора был ограничен в своей компетенции, как любой другой. Он должен был оказывать поддержку служащим, отставным и нынешним, своего ведомства. На целом ряде прошений стоят пометы В. Ф. Адлерберга от безличных «до министра не относится» до «не могу принимать подобные просьбы» (Прошение Смирновой, 1857. Л. 37). С другой стороны, отправители прошений были не так уж неправы, предполагая у министра двора почти безграничные возможности. В. Ф. Адлерберг мог воспользоваться обходными путями, чтобы удовлетворить просьбу лица, по какой-либо причине привлекающую его внимание. Действовать по формальным правилам или вопреки бюрократическим процедурам — было исключительно его собственным выбором.

Лично хлопотать по какому-либо делу граф брался, как правило, для знакомых ему людей. Так, он дважды пытался устроить отставного коллежского секретаря Иванова в министерство финансов. Когда проситель сам нашел вакансию смотрителя в псковской городской больнице, назначение на которую зависло от Н. А. Милютина, министр двора был готов просить за лично ему известного «честного и трудолюбивого» чиновника (Прошение Иванова, 1857. Л. 147). Поскольку в этом случае речь просто шла о рекомендации на должность, В. Ф. Адлерберг своим словом гарантировал, что предлагает Н. А. Милютину хорошего сотрудника. Если бы не описанный ранее дефицит мест, это могло бы быть обоюдной услугой.

Желая поддержать того или иного просителя, министр двора также мог переслать прошение своему коллеге, от которого зависело решение

по делу. Очевидно, в этом случае просителю гарантированно уделялось внимание. Некоторые просьбы, исполнить которые было возможно через Комиссию прошений, В. Ф. Адлерберг передавал туда. Так, «соломенной вдове» Траскиной, в которой он принимал участие и ранее выхлопотал пособие у Николая I, министр личным письмом сообщил, что сам статс-секретарь А. Ф. Голицын обещал исходатайствовать ей пособие (Письмо Адлерберга В. Ф. — Траскиной, 1857. Л. 200) — вполне вероятно, не без просьбы министра двора. Дошедшую через посредничество жены просьбу смолянки графини Кисендорф министр также не оставил без внимания. Пожилая дама просила поместить ее в Дом призрения бедных девиц благородного звания (Письмо Кисендорф, 1856. Л. 9). Просьба эта, совершенно законная для бывшей смолянки, относилась к Главному управляющему Ведомства учреждений императрицы Марии статс-секретарю А. Л. Гофману. Она, собственно, и была подана в 1853 г., но осталась без ответа. Граф Адлерберг сам обратился к А. Л. Гофману, прося об «оказании содействия», и в качестве альтернативы Дому призрения предложил больницу Св. Ольги. В этом случае его личная просьба дела не решила: через месяц из IV Отделения С. Е. И. В. К. пришел ответ, что графиня Кисендорф состоит четвертой кандидаткой в Дом призрения и может поступить только по достижении очереди. И все же ходатайство министра было не совсем безрезультатным. А. Л. Гофман обещал поместить просительницу в больницу Св. Ольги, если будет вакансия, а пока оставить ее кандидаткой на это место (Отношение IV Отделения, 1856. Л. 10). Таким образом, вмешательство могущественного покровителя вдвое увеличило шансы бывшей смолянки попасть на казенное место и, кроме того, гарантировало, что при открытии вакансии о ней не «забудут».

Забота о делах просителей, за решение которых он брался, отнюдь не была равноценной. В сопроводительных письмах министр легко давал понять, в какой мере лично он заинтересован в том или ином человеке. Так, прошение вдовы майора Софии Аничковой, хлопотавшей о должности начальницы школы в Саратове, он распорядился переслать министру внутренних дел С. С. Ланскому с нейтральным пожеланием «предоставить должность, если возможно» (Отношение министра императорского двора министру внутренних дел, 1859. Л. 104). Напротив, в письме военному министру Н. О. Сухозанету, подкреплявшем просьбу Батеньковой о продлении небольшого пенсионера в 189 руб. 86 коп., министр двора сообщал о своем «живейшем участии» и просил «Принять

просительницу под Ваше милостивое покровительство» (Отношение министра императорского двора военному министру, 1860. Л. 239).

Наиболее интересным является письмо В. Ф. Адлерберга министру финансов П. Ф. Броку. Хлопоча о судьбе несостоятельного должника генерала Молостаева, В. Ф. Адлерберг откровенно писал о своем «живейшем участии» в судьбе бывшего сослуживца. Обозначив статус своего протече, министр двора просил министра финансов вопреки существующим правилам кредитных установлений «отыскать способ» вывести генерала из стесненного положения. Аргументом в этом случае очевидного нарушения закона служили не боевые заслуги Молостаева и даже не его большое семейство. Напротив, дело было представлено именно как услуга лично В. Ф. Адлербергу — «...чем много бы меня одолжить изволили» (Отношение министра императорского двора министру финансов, 1856. Л. 114–114об.). Речь шла не о небольшой сумме, как в случае с Батеньковой, а о сложении недоимки по заложенному имению в 1900 рублей.

Все рассмотренные выше случаи касаются содействия просителям В. Ф. Адлерберга в качестве представителя высшей бюрократии, имеющего возможность обращаться к другим бюрократам, усиливая тем самым позиции того или иного искателя места, пенсионера, вспомоществования. В этом смысле он имел примерно одинаковые возможности с другими министрами действовать по правилам, существующим внутри бюрократического аппарата, хотя его положение, безусловно, усиливалось личным благоволением монарха к другу своего отца. Просители пытались заручиться его поддержкой именно потому, что имели некоторые основания рассчитывать на успех, были знакомы лично с министром, его родственниками или ближайшим окружением.

ОТВЕТ ЧИНОВНИКА: МИЛОСЕРДИЕ МОНАРХА КАК РЕСУРС ВЛАСТИ

Уникальное положение В. Ф. Адлерберга как министра двора, «посредника» между просителями и «государевыми щедротами», делало его объектом просьб, весь смысл которых заключался в передаче их на Высочайшее имя, минуя положенные инстанции. Просители порой наивно полагали, что министр двора в любой момент, чуть ли не за чашкой чая, может передать монарху прошение, которое в противном случае будет годами пылиться в недрах канцелярии. Такое представление было во многом наивно: чтобы дать делу ход, нужна была бумага (просителей, попавших к нему на прием, министр просил еще раз изложить свое

дело письменно), а там, где появлялась бумага, возникал «надлежащий порядок» движения дел, ограничивавший министра двора.

Вопросы, с которыми министр двора мог «входить с докладом» к императору, были ограничены кругом его должностных обязанностей. Когда вдова генерал-майора Кузьмина просила через В. Ф. Адлерберга «хоть единовременное пособие у Государя Императора за 38-летнюю беспорочную службу мужа», он в личном письме объяснил ей свой отказ: «...не могу входить с докладом, т. к. супруг Ваш по ведомству Министерства императорского двора не состоял» (Письмо Адлерберга В.Ф.— Кузьминой, 1857. Л. 111). Между тем министр имел возможность довести до сведения государя ту или иную просьбу, просто переслав ее соответствующему министру «для доклада Государю», как он это сделал с идентичным первому прошением вдовы генерал-майора Врангеля (Прошение Врангель, 1859. Л. 184). Сохранившиеся документы не позволяют сказать, почему вдова одного генерал-майора удостоилась таких хлопот, а второй был отправлен ответ, лишь вежливыми формами отличающийся от однотипной торопливой пометы на прошениях бедных чиновниц «где муж служил».

Несмотря на регулярные отказы просителям, желавшим дойти до государя через В. Ф. Адлерберга, министр двора в некоторых случаях все-таки делал доклады, на которые формально не имел права. Официально на его посредничество могли претендовать бывшие и нынешние придворные и члены их семей, крестники, воспитанники и пенсионеры императора. Не лишним будет подчеркнуть и тот факт, что министр двора распоряжался разными «кошельками» императора. Целый ряд лиц, ранее получивших вспомоществование и рассчитывавших на помощь «по примеру прошлых лет», обращались к министру по традиции. В таких случаях, если В. Ф. Адлерберг не мог вспомнить просителя сам, неизбежно следовал запрос в канцелярию министерства на каких основаниях, когда и сколько получал проситель, ссылавшийся на прецедент. Также Императору подавались все прошения по заложенным в казну и в опекунские советы дворянским имениям, которые затем передавались министру финансов или министру государственных имуществ для нового доклада государю «со своими соображениями» (Прошение Симонич, 1856. Л. 94).

По отметкам о распоряжениях императора можно выявить те прошения, которые были представлены В. Ф. Адлербергом вне установленного порядка. Вероятно, в таких случаях граф ориентировался скорее на расположение и интерес самого Александра II. В мае 1860 г. он передал

просьбу о пособии отставного подпоручика Александровского, лишившегося в 1857 г. на Кавказе обеих ног и отправленного лечиться в столицу А. И. Бярятинским. По высочайшему распоряжению прошение было передано военному министру для повторного доклада надлежащим министром (Прошение Александровского, 1860. Л. 376). Впрочем, в этом случае В. Ф. Адлерберг, возможно, не так уж нарушил процедуру: до 1861 г. он занимал должность командующего Императорской главной квартирой, т. е. фактически был помощником военного министра. На прошении В. М. Шаганова, который хлопотал о пенсии Комитета раненых, воспользовавшись именем своего покойного брата, «имевшего счастье быть известным» министру, В. Ф. Адлерберг написал «доложу лично» (Прошение Шаганова, 1859. Л. 36). Отказывая просителям в качестве министра двора, В. Ф. Адлерберг мог воспользоваться правами, данными ему другой должностью. Чуть более сомнительны его полномочия при передаче прошения греков-участников Крымской войны из легиона Николая I, по которому было сделано высочайшее распоряжение «подать министру внутренних дел для доклада Государю Императору» (Прошение Булгарис, 1857. Л. 183).

Случай доклада по делу, которое, безусловно, не имело ничего общего с полномочиями министра двора, относится к августу 1857 г. Некий господин Мясницкий, не приведший ни одного аргумента, почему он может рассчитывать на помощь В. Ф. Адлерберга, изложил в письме почти шекспировскую любовную историю. Взаимная любовь связала его с «девицею знаменитого рода» Ксенией Самариной, но «нашлись враги счастья» в лице обер-полицмейстера Бергна, который сам возжелал жениться на девушке. Мясницкий закончил письмо просьбой: «[...]прочтите Государю». Удивительно, но В. Ф. Адлерберг посчитал казус достойным внимания Александра II, а тот, в свою очередь, распорядился передать дело московскому военному генерал-губернатору (Прошение Мясницкого. Л. 398).

Личный доклад сделал министр и по делу завещания братьев Гаранопуло, тех самых, которые передали наследнику вместе с имуществом право обращаться к В. Ф. Адлербергу. Из бумаг по этому делу известно, что министр не только передал прошение Александру II «в виде изъятия», но и попытался повлиять на решение: «...я со своей стороны сообщил, что прилежное согласие братьев меж собой было мне известно» (Прошение Детортъе, 1857. Л. 55). Как во всех остальных случаях, император распорядился передать прошение министру юстиции для доклада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплекс прошений, поданных министру императорского двора, чрезвычайно сложен для анализа из-за многообразия описанных жизненных ситуаций, пестрого состава просителей и хаотичности их мотивов и представлений. Пожалуй, единственное, что их объединяет — понимание, что они действуют вне установленного порядка производства дел. При этом оно в большей степени характерно для чиновников самого министерства, подшивавших прошения в соответствующие папки, в то время как некоторые просители, очевидно, беспокоили В. Ф. Адлерберга по незнанию формальных процедур, предполагая, что просьбы на Высочайшее имя надо подавать через «самого главного придворного». Тем не менее, собранные вместе, прошения В. Ф. Адлербергу позволяют говорить о механизмах функционирования бюрократического аппарата, основанных на личных связях, с одной стороны, и влиянии, помноженном на расположение императора, — с другой.

Положение В. Ф. Адлерберга в этой системе уникально своим двуединством: как опытного бюрократа, занимающего одну из министерских позиций, и как посредника «царских щедрот», «звезды при русском Солнце». Такое разделение отчасти условно, сами просители едва ли анализировали, как именно В. Ф. Адлерберг будет действовать — по неформальным кабинетным каналам или через самого монарха. Скорее, они просто считали, что министр способен решить ту или иную проблему, не особо задумываясь о подробностях, а просто веря в его могущество. В то же время, получая сообщение В. Ф. Адлерберга о его личной заинтересованности в чем-то деле, чиновники, от которых зависело положительное решение, вряд ли абстрагировались от степени близости министра двора к монарху или его потенциальных возможностей.

Ежедневно работая с прошениями, В. Ф. Адлерберг каждый раз принимал решение, действовать ли ему согласно букве закона или руководствоваться какими-то другими мотивами. Формально большинство поданных прошений «до министра не относилось» и должно было подаваться «подлежащему начальству» или Комиссии прошений. Решение о вмешательстве граф принимал сам, руководствуясь, как правило, личным знакомством с человеком, осведомленностью о его жизненных обстоятельствах или рекомендациями влиятельных покровителей. Немалую роль при этом играли родственные связи, служебные отношения, кумовство и т. д. Тем не менее, фактор личного знакомства или протекции не был абсолютным: иногда В. Ф. Адлерберга действительно

трогали перипетии чьей-то непростой судьбы. В то же время воспользоваться своим авторитетом, тем более лоббировать чьи-то интересы министр двора был готов отнюдь не во всех случаях: демонстрация степени заинтересованности министра в исходе дела была очень важным фактором. Этим ресурсом граф пользовался только в делах своих близких знакомых.

Обращаясь к министру двора как к посреднику на пути к государю, просители зачастую ставили В. Ф. Адлерберга в сложное положение. Именно доверие и расположение императора были самыми сильными, и в то же время уязвимыми ресурсами, из которых складывалось влияние графа. Очевидно, что помимо официального круга дел, с которыми министр двора мог входить к государю, существовали такие вопросы, о которых министр мог сообщать государю по обычаю. К ним, несомненно, относятся, дела разоряющихся дворян-землевладельцев и пожилых отставных военных в высоких чинах. Мог министр двора доложить императору и какое-нибудь совсем экзотическое дело, вроде любовной истории Мясницкого, если был уверен, что оно заинтересует Александра II. При этом воспользоваться своей близостью к государю, чтобы решить личные трудности своих протеже В. Ф. Адлерберг мог, но пользовался этой привилегией редко, сберегая доброе отношение монарха. За пределами круга своих непосредственных должностных обязанностей он чаще светил своим собственным светом, чем отражал милости «русского Солнца».

Оказание милости, на первый взгляд, не приносило какой-то очевидной выгоды самому покровителю. Разумеется, что во взаимоотношениях между просителями и императором о получении «выгоды» монархом, для которого счастье подданных было долгом, предписанным ему Провидением, вообще не могло идти речи. В некоторых случаях министр двора действовал как посредник, призванный компенсировать неудачи бюрократического механизма подачи прошений на Высочайшее имя. Его помощь нуждающимся представлялась как жест благотворительности, воздаяние за которую последует на небесах благодаря молитвам всех благодетельствованных. Этот мотив идентичен содержанию прошений самому императору: ответом на благодеяния трона могут быть только молитвы за государя.

В то же время риторика благотворительности маскировала действительные механизмы властных практик, основанных на личной лояльности. Сложность и одновременно неясность бюрократических процедур заставляли просителей изыскивать обходные пути, самым очевидным

из которых было использование «знакомства» с одним из влиятельных сановников. Такой способ решения вопросов не выходил за рамки юридической нормы, хотя и существовал на ее периферии. О знакомствах и связях откровенно пишут как сами просители, так и представители бюрократии, обменивающиеся вполне официальными бумагами друг с другом. Очевидно, что между высшими бюрократами существовала негласная система взаимозачетов, предполагавшая за помощь, оказанную кому-то по просьбе другого сановника, ответную услугу в будущем. Таким образом, удовлетворение прошений могло иметь какой-то дополнительный смысл на уровне горизонтальных связей высшей бюрократии, но не вертикальных.

Получение взаимной выгоды патронами и их клиентами, безусловно, имело место, однако оно, по понятным причинам, не нашло отражения в делах канцелярий. Прошения «вне установленного порядка» позволяют судить лишь об одной стороне вопроса: как личные связи работали на благо просителей в ситуациях, где формальные процедуры были неясны и неэффективны. Они дают нам только оптику просителей, в то время как вторая сторона этих отношений остается в тени, заставляя верить в В. Ф. Адлерберга как в «благодетеля человечества».

Рассмотрение этого кейса, однако, позволяет вернуться к проблеме клиентеллизма в современном государстве. Попытка замещения патрон-клиентских связей бюрократической процедурой, призванной компенсировать ситуацию «недоверия», порождает новую цепочку покровительства и личной лояльности, которая должна компенсировать провалы бюрократических механизмов. Ее природа маскировалась под риторику благотворительности и милосердия как на уровне официальной бюрократической процедуры, так и в случае дублирующих ее отношений министра двора и его просителей. С началом Великих реформ Комиссия по принятию прошений стала восприниматься как архаическое учреждение. Дискуссия о ее ликвидации началась в 1861 г. и возобновилась после судебной реформы, сделавшей бессмысленной прямые жалобы императору на судебные места. Окончательная ликвидация Комиссии произошла только в 1883 г., но затем, при Николае II под другим названием личное монаршее милосердие возвратилось в жизнь подданных, поскольку ни социальные проблемы жителей империи, ни неофициальные способы поиска покровительства никуда не исчезли⁷. Как и в случае с другими попытками эпохи Великих реформ

⁷См. Писарев, 1909.

ликвидировать патрон-клиентские сети в провинции за счет изоляции назначаемых из столицы чиновников и профессионализации бюрократического аппарата, попытка реформы натолкнулась на неспособность бюрократической машины справиться с возложенными на нее функциями «установленным путем». Это возвращение свидетельствует не о какой-то принципиальной «архаике» поздней Российской империи, а скорее об эффективности клиентеллизма как института, способного компенсировать неудачи современной бюрократии.

СОКРАЩЕНИЯ

МИДв	Министерство императорского двора.
РГИА	Российский государственный исторический архив.
С.Е.И.В.К.	Собственная Его Императорского Величества канцелярия.

Источники

Рукописные источники

- Матвеева С. С.* Матвеева — В. И. Панаеву, 10 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а. Л. 19.
- Мусин-Пушкин М. Н.* М. Н. Мусин-Пушкин — В. И. Панаеву, 16 ноября 1856 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а. Л. 19.
- Отношение IV Отделения С. Е. И. В. К. в канцелярию МИДв, 21 сентября 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Отношение директора Александровского лицея министру народного просвещения, 31 октября 1866 // РГИА. — 1866. — Ф. 733. — Оп. 120. — Д. 390.
- Отношение министра императорского двора военному министру, март 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 4а.
- Отношение министра императорского двора директору училищ для приходящих девиц, 1860 (отпуск) // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Отношение министра императорского двора директору училищ для приходящих девиц, 1860 (отпуск) // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/985). — Д. 4а.
- Отношение министра императорского двора министру финансов, сентябрь 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Отношение министра императорского двора министру финансов, сентябрь 1856 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б. — Л. 87.
- Письмо Адлерберга В. Ф. — Траскиной, 26 декабря 1857 (отпуск) // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Письмо Адлерберга В. Ф. — Кузьминой, март 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Письмо Барановой Ю. Ф. — Адлербергу В. Ф., 22 января 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.

- Письмо Кисендорф — Адлерберг М. В., 7 августа 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Письмо Толбинова В. — Адлерберг М. В., 24 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Адусова, 4 октября 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Александровского, май 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прошение Башенковой, март 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Булгарис, 13 мая 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Бульчева, декабрь 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прошение Вараввы, ноябрь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 4б.
- Прошение Величка, 15 ноября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Прошение Врангель, март 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Герцо-Виноградского, 10 октября 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прошение Герцо-Виноградской, 12 марта 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прошение Глинки, принято 18 апреля 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Гольца, 9 апреля 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Прошение Грабовской, 27 мая 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Гриневича, апрель 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Гусковской, 9 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прошение Детортье, 20 февраля 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прошение Дубниковой, сентябрь 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прошение Дьякова, 14 октября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Прошение Залесского, 24 декабря 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.

- Прощение Иванова, май 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Кухтиной, 30 октября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Лундышевой, 8 марта 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Макаровой, 19 января 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прощение Одинцовой, сентябрь 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1б.
- Прощение Панаевой, 14 декабря 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Радовича, август 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Рыдзевского, март 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прощение Симонич, сентябрь 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Прощение Смирновой, 14 февраля 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Сычуровой, 8 января 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прощение Толквист, июль 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Францен, 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 1а.
- Прощение Хлопова, май 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Прощение Цептковского, 19 ноября 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прощение Чесновского, ноябрь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.
- Прощение Чихачева, декабрь 1856 // РГИА. — 1856. — Ф. 472. — Оп. 35 (144/981). — Д. 3б.
- Прощение Шаганова, январь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прощение Шадрина, 2 августа 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4б.
- Прощение Шараловой, январь 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2а.
- Прощение Шлет фон, август 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.

- Прошение Щегловой, 19 октября 1857 // РГИА. — 1857. — Ф. 472. — Оп. 35 (145/982). — Д. 16.
- Свидетельство о поведении дворянина Мордвинова, 30 августа 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 46.
- Справка по делу вдовы капитана Андреева, 1860 // РГИА. — 1860. — Ф. 472. — Оп. 35 (148/985). — Д. 4а.
- Справка по делу майора Ланге, 1859 // РГИА. — 1859. — Ф. 472. — Оп. 35 (147/984). — Д. 2б.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, на Высочайшее имя приносимых : 1810–1910 гг. Исторический очерк. — СПб. : Р. Голике, А. Вильборг, 1909.
- СПб. : — II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1835.

ЛИТЕРАТУРА

- Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи / пер. с нем. А. Каплуновского // *Ab Imperio*. — 2008. — № 3. — С. 71–95.
- Григорьев С. И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). — СПб. : Алетейя, 2007.
- Ремнев А. В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // *Исторический ежегодник*. — 1999. — Т. 4. — С. 17–35.
- Рибер А.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // *Великие реформы в России. 1856–1874* / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Д. Бушнелла. — М. : Московский университет, 1992. — С. 44–72.
- Хаванова О. В.* Карьерные стратегии в монархии Габсбургов второй половины XVIII в. в зеркале обращений на Высочайшее имя // *Одиссей: Человек в истории*. — 2008. — № 1. — С. 230–250.
- Шаттенберг С.* Культура коррупции, или К истории российских чиновников / пер. с нем. М. Г., С. Шаттенберг // *Неприкосновенный запас*. — 2005. — Т. 42, № 4. — С. 29–35.
- Rieber A.* Patronage and Professionalism : The Witte System // *Проблемы всемирной истории : Сборник статей в честь А. А. Фурсенко* / ed. by Б. В. Ананьича. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. — Р. 286–298.

Safronova, J. A. 2019. "Milost' 'vne ustanovlennogo poryadka' [Mercy Beyond the Established Procedure]: strategii prositeley i otvet chinovnika (na primere Ministerstva imperatorskogo dvora. 1856–1861 gg.) [Strategies of Petitioners and Responses of Official (Using the Example of the Ministry of the Imperial Court. 1856–1861)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 158–188.

JULIA SAFRONOVA

PHD; ASSOCIATE PROFESSOR; DEPARTMENT OF HISTORY, EUROPEAN UNIVERSITY AT ST. PETERSBURG

MERCY BEYOND THE ESTABLISHED PROCEDURE

STRATEGIES OF PETITIONERS AND RESPONSES OF OFFICIAL (USING THE EXAMPLE OF THE MINISTRY OF THE IMPERIAL COURT. 1856–1861)

Abstract: This article deals with strategies for solving social problems beyond the established bureaucratic procedure in the Russian Empire. In these cases, official petitions were supported or even replaced by seeking for a patronage of high-ranking officials. The Minister of the Court had the ambivalent position. He was perceived both as one of the highest *dignitaries* and as "the all-important courtier" having direct and permanent access to the Emperor's generosity. The article analyses the petitions addressed to the Minister of the Court in the first five years of the reign of Alexander II. The author focuses on linguistic and stylistic characteristics which were typical for patronage seeking, as well as hidden strategies of getting appointments, rewards, pensions, etc. The arguments used in the petitions, especially those explaining the reasons why the petitioners addressed the Minister, allow us to make a conclusion that the Russian society was riddled with informal connections. The second part of the article considers the complicated system of interactions and communications within Russian bureaucracy and reviews the reasons for patronizing. The author concludes that extensive and successful use of informal practices does not reflect the "archaic" nature of the Russian Empire. Rather they might be indicative of the efficiency of clientelism compensated for the weaknesses of the modern bureaucracy.

Keywords: Patronage, Clientelism, Bureaucracy, Petitions, the Ministry of the Imperial Court, Alexander II.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-158-188.

REFERENCES

- Baberovski, Y. 2008. "Doveriye cherez prisut-stviye. Domodernyye praktiki vlasti v pozdney Rossiyskoy imperii [Trust Through Presence. Premodern Practices of Authority in Late Imperial Russia]" [in Russian], trans. from the German by A. Kaplunovskiy. *Ab Imperio*, no. 3: 71–95.
- Grigor'yev, S. I. 2007. *Pridvornaya tsenzura i obraz Verkhovnoy vlasti (1831–1917) [Court Censorship and the Image of the Supreme Power (1831–1917)]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Khavanova, O. V. 2008. "Kar'yernyye strategii v monarkhii Gabsburgov vtoroy poloviny XVIII v. v zerkale obrashcheniy na Vysochaysheye imya [Career Strategies in the Habsburg Monarchy in the Second Half Of The 18th Century in the Mirror of Petitions to the Highest Name]" [in Russian]. *Odyssey: Chelovek v istorii*, no. 1: 230–250.

- Matveyeva, S. 1859. "С. Matveyeva — V. I. Panayevu, 10 yanvaryu 1859 [S. Matveeva to V. I. Panaev, 10 January 1859]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a. 19.
- Musin-Pushkin, M. N. 1859. "M. N. Musin-Pushkin — V. I. Panayevu, 16 noyabrya 1856 [M. N. Musin-Pushkin to V. I. Panaev, 16 November 1856]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a. 19.
- "Otnosheniye direktora Aleksandrovskogo litseya ministru narodnogo prosveshcheniya, 31 oktyabrya 1866 [Relation from the Director of the Imperial Lyceum to the Minister of Public Education, 31 October 1866]" [in Russian]. 1866. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 723. 120/390.
- "Otnosheniye IV Otdeleniya S. Ye. I. V. K. v kantselyariyu MIDv, 21 sentyabrya 1856 [Relation from the IV Bureau of H. I. M. O. Chancery to the Ministry of the Imperial Court Chancery, 21 September 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora direktoru uchilishch dlya prikhodyashchikh devits, 1860 (otpusk) [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Director of the College for Non-Resident Damsels, 1860 (release)]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/985)/4a.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora direktoru uchilishch dlya prikhodyashchikh devits, 1860 (otpusk) [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Minister of the Interior, July 1859 (release)]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora ministru finansov, sentyabr' 1856 [Relation from the Minister of the Imperial Court to Saint-Petersburg Military Governor, October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a/87.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora ministru finansov, sentyabr' 1856 [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Minister of Finance, September 1859]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Otnosheniye ministra imperatorskogo dvora voyennomu ministru, mart 1860 [Relation from the Minister of the Imperial Court to the Minister of War, March 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/985)/4a.
- "Pis'mo Adlerberga V. F. — Traskinoy, 26 dekabrya 1857 (otpusk) [Letter V. Ph. Adlerberg — Traskina, 26 December 1857 (release)]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Pis'mo Adlerberga V. F. — Kuz'minoy, mart 1857 [Letter V. Ph. Adlerberg — Kuzmina, March 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Pis'mo Baranovoy Yu. F. — Adlerbergu V. F., 22 yanvaryu 1860 [Letter J. Ph. Baranova — Adlerberg, 22 January 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Pis'mo Kisendorf — Adlerberg M. V., 7 avgusta 1856 [Letter Kisendorf. — M. V. Adlerberg, 7 August 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Pis'mo Tolbinova V. — Adlerberg M. V., 24 yanvaryu 1859 [Letter V. Tolbinov — M. V. Adlerberg, 24 January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- Pisarev, S. N. 1909. *Uchrezhdeniye po prinyatiyu i napravleniyu prosheniy i zhalob, na Vysochaysheye imya prinosimykh [The Institution for Receiving and Sending Petitions and Complaints to the Highest Name]: 1810–1910 gg. Istoricheskiy ocherk [1810–1910 Historical Essay]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: R. Golike / A. Vil'borg.

- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Digest of Laws of the Russian Empire]* [in Russian]. 1835. Vol. x of *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Digest of Laws of the Russian Empire]* : *Sobraniye vtoroye*. 55 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: II Otdeleniye Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii.
- "Prosheniye Adusova, 4 oktyabrya 1856 [Petition by Adusov, 4 October 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Aleksandrovskogo, may 1860 [Petition by Alexandrovsky, May 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Bashenkovoy, mart 1857 [Petition by Bashenkova, March 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Bulgaris, 13 maya 1857 [Petition by Bulgaris, 13 May 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Bulycheva, dekabr' 1860 [Petition by Bulychev, December 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Chesnovskogo, noyabr' 1859 [Petition by Chesnovsky, November 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Chikhacheva, dekabr' 1856 [Petition by Chikhachev, December 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Prosheniye D'yakova, 14 oktyabrya 1857 [Petition by Djakov, 14 October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Detort'ye, 20 fevralya 1857 [Petition by Detortje, 20 February 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Dubnikovoy, sentyabr' 1860 [Petition by Dubnikova, September 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Frantsen, 1857 [Petition by Frantsen, 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Gertso-Vinogradskogo, 10 oktyabrya 1859 [Petition by Gerzo-Vinogradsky, 10 October 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Gertso-Vinogradskoy, 12 marta 1860 [Petition by Gerzo-Vinogradskaya, 12 March 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Glinki, prinyato 18 aprelya 1859 [Petition by Glinka, accepted 18 April 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Gol'tsa, 9 aprelya 1856 [Petition by Golz, 9 April 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Prosheniye Grabovskoy, 27 maya 1857 [Petition by Grabovskaya, 27 May 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Grinevicha, aprel' 1859 [Petition by Grinevich, April 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Guskovskoy, 9 yanvarya 1859 [Petition by Guskovskaya, 9 January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Ivanova, may 1857 [Petition by Ivanov, May 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Khlopova, may 1860 [Petition by Hlopov, May 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Kukhtinoy, 30 oktyabrya 1857 [Petition by Kuchtina, 30 October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Lundyshvoy, 8 marta 1857 [Petition by Lundyshveva, 8 March 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.

- "Prosheniye Makarovoy, 19 yanvarya 1860 [Petition by Makarova, 19 January 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Odintsovoy, sentyabr' 1857 [Petition by Odintsova, September 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Panayevoy, 14 dekabrya 1859 [Petition by Panajeva, 14 December 1857]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Radovicha, avgust 1859 [Petition by Radovich, August 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Rydzevskogo, mart 1860 [Petition by Rydzevskiy, March 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Prosheniye Shadrina, 2 avgusta 1860 [Petition by Shadrin, 2 August 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Shaganova, yanvar' 1859 [Petition by Shaganov, January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Sharapovoy, yanvar' 1859 [Petition by Sharapova, January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Shcheglovoy, 19 oktyabrya 1857 [Petition by Scheglova, 19 October 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Shlet fon, avgust 1859 [Petition by Shlet fon, August 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Simonich, sentyabr' 1856 [Petition by Simonich, September 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (144/981)/3b.
- "Prosheniye Smirnovoy, 14 fevralya 1857 [Petition by Smirnova, 14 February 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- "Prosheniye Sychurovoy, 8 yanvarya 1859 [Petition by Sychurova, 8 January 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Tolkvist, iyul' 1859 [Petition by Tolkvist, July 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Prosheniye Tseptkovskogo, 19 noyabrya 1860 [Petition by Tseptkovskiy, 19 November 1860]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.
- "Prosheniye Varavvy, noyabr' 1859 [Petition by Varrava, November 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/2b.
- "Prosheniye Velichka, 15 noyabrya 1857 [Petition by Vjelichka, 15 November 1857]" [in Russian]. 1857. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1b.
- "Prosheniye Vrangel', mart 1859 [Petition by Vrangel, March 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2a.
- "Prosheniye Zalesskogo, 24 dekabrya 1856 [Petition by Zalesskiy, 24 December 1856]" [in Russian]. 1856. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (145/982)/1a.
- Remnev, A. V. 1999. "Kantselyariya prosheniyy v samoderzhavnoy sisteme pravleniya kotsa XIX stoletiya [Shancellery of Petitions in the Autocratic's Government System in the End of the 19th Century]" [in Russian]. *Istoricheskiy yezhegodnik* 4:17–35.
- Riber, A. 1992. "Grupповые интересы в бор'бе вокруг Velikikh reform [Group Interests in the Struggle Around the Great Reforms]" [in Russian]. In *Velikiye reformy v Rossii. 1856–1874 [The Great Reforms in Russia. 1856–1874]*, ed. by L. G. Zakharova, B. Eklof, and Dzh. Bushnell, 44–72. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet.
- Rieber, A. 2000. "Patronage and Professionalism: The Witte System." In *Problemy vsemirnoy istorii [Problems of World History] : Sbornik statey v chest' A. A. Fursenko [Collection of Articles in Honor of A. A. Fursenko]*, ed. by B. V. Anan'ich, 286–298. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.

- Shattenberg, S. 2005. "Kul'tura korruptsii, ili K istorii rossiyskikh chinovnikov [Culture of Corruption, or the History of Russian Officials]" [in Russian], trans. from the German by M. G. and S. Shattenberg. *Neprikosnovennuyu zapas* 42 (4): 29–35.
- "Spravka po delu mayora Lange, 1859 [Note on Major Langue's Case, 1859]" [in Russian]. 1859. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (147/984)/2b.
- "Spravka po delu vdovy kapitana Andreyeva, 1860 [Note on the Case of Captain Andreev's Widow, 1859]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4a.
- "Svidetel'stvo o povedenii dvoryanina Mordvinova, 30 avgusta 1860 [Testimony on the Conduct of Mordvinov, Nobleman, 30 August 1857]" [in Russian]. 1860. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 472. 35 (148/985)/4b.